

Российская Академия Наук
Институт философии

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

№ 19

Москва
2014

К.В. Коновалов

**Влияние идейного наследия Максима Грека
в восточно-славянских странах второй
половины XVI столетия на примере
Исайи Каменчанина**

К ученикам и последователям Максима Грека, оказавшего огромное влияние на формирование мыслительной традиции не только в Московской Руси, но и в других славянских государствах, традиционно относят князя Андрея Курбского, Артемия Троицкого и Исайю Каменчанина. На последнем авторе мы и остановимся подробнее.

В своем «Послании всем православным христианам, россиянам, сербам и болгарам о переводе бесед святого Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея» (ок. 1524) Максим Афонский, глубоко осознавая важность культурного единения славянских народов, подчеркивает значимость нового перевода раннехристианского мыслителя, выполненного книжником Силуаном (1-я половина XVI в.)¹. Как отмечает Н.В.Синицына, афонский монах «как будто предвидел ареал его распространения»². На фоне многочисленных и оживленных международных культурных связей России с иностранными государствами перевод Силуана оказался популярным среди славян³. Так, на Афоне, в монастырях Ватопеда и Хиландре, находятся списки «Бесед», из которых ватопедский манускрипт (Slavic, 9) третьей четверти XVI в. представляет собой южнославянский список с русского оригинала⁴. Именно за этим переводом «Гомилый» в 1561 г. из Великого княжества Литовского в Москву прибывает Исайя Каменчанин (ум. после 1592), чтобы «у царя государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси от его царския книгохранилища испросити... и в нашем государстве христи-

анском русском великом и княжестве литовском быдаты тиснением печатным нашему народу христианскому рускому литовскому, да и рускому московскому, да и повсюду всем православным христианом, иже в болгарех и сербех, в мылтянх и волосех»⁵.

Каменчанин, в отличие от плодовитого писателя Максима Грека, оставил после себя не так много сочинений, поэтому судить о его философско-религиозных взглядах мы можем по весьма малочисленным источникам. «Очевидно, в жизни Максима Грека мних Исая находил нечто общее со своей собственной судьбой, и это служило для него некоторым утешением и ободрением в трудные минуты», – полагает Д.И.Абрамович⁶. Наблюдение Д.И.Абрамовича можно подкрепить наблюдением из «Сказания вкратце о великом преподобном отце Максиме греце» (ок. 1591), в котором Исая пишет, что Максим «наваждениемъ искони противника всякому добру диавола сатаны, губителя христианскаго, в боголюбезной земли Московской быть во узах и в темницы и в различных озлоблениях и нестерпимых томлениях смертных»⁷.

В подражание Максиму Исая написал «Плач» («Некоторый мних диякон с Каменца Подольскаго плакал и сам себе тешил в земли Московской в местечку в Ростове в темницы року 1566 от рождества спасителя нашего Иисуса Христа»), которое начинается и заканчивается реминисценцией из «Слова утешительного инока в темнице» (1532) афонского монаха: «Не тужи, ни скръби, ниже тоскуи о них же, любезна ми души»⁸. Не останавливаясь подробно на сюжете произведения Исая, сравним его со «Словом утешительным», а также выделим некоторые принципиально важные моменты.

«Стражеша бес правды, – пишет Максим, – от них же наипаче подобавше ти благая прияти, о нихъ же их духовне ползовала еси, предложивши имъ трапезу, Духа Свята испльнену, сиречь отцетворное сказание богодухновенного песнопения Давидова, преведши е от беседы еллинския на беседу шумящаго вещания рускаго и ины многыя книги душеполезныя...»⁹. Как замечает исследовательница Л.И.Журова: «Содержанием этого уникального в творчестве афонского монаха сочинения стало самоутешение скорбящего инока. Несмотря на драматическую жизненную ситуацию, заточенный Святгорец с чувством глубокого достоинства говорит о своих благих делах. Среди собственных заслуг Максим

Грек отмечает перевод Псалтири. Сочинение представляет собой лирический внутренний монолог (своего рода молитву), в котором беседует со своей душой. По своему пафосу оно напоминает, как это ни покажется странным, гимнографическое сочинение, оно появилось в один из тяжелых периодов жизни афонского монаха в России (1532 г.)...»¹⁰. «Молитву», являющуюся творческим переложением евангельских заповедей блаженств (Мф. 5:3–12), Максим заканчивает ссылкой («якоже Господь твои повелевает») на Мф. 5:12 («радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех: тако бо изгнаша пророки, иже прежде вас»), смиренно опускаемая при этом слово «пророки»¹¹. Впрочем, как кажется, в своей литературно-просветительской деятельности Максим ощущает собственную профетическую миссию среди православных славянских народов. Смыслообразующими словами «Молитвы» являются: «хвали», «слави», «божественной радости», «весели же ся паче и радуйся богомудренно», «веселити». Святогорец напоминает, что «не сетования время възмниши зле, но паче божественныя радости...»¹². «Молитва» древнерусского мыслителя – славословие, творимое в глубочайшем аскетическом смирении и радости, без тотальной аннигиляции человеческой личности.

Содержание сочинения из ростовской темницы Исаяи построено на антиномиях («зрю довольныя страсти, и считаю вышняя почести. Вижу бед и наветы, помышляю грозный венец») и больше похоже на аскетическое руководство, когда власфемическим страстям предписываются противоположные добродетели¹³. Подобное пособие по аскетике должно было обнадеживать претерпевающего злострадания подвижника о будущих благах.

Как видим, духовный путь Максима – путь радости о «Дусе Святе» (Рим. 14:17), путь Исаяи – путь скорби: «нести бо ионого пути ведущаго ко спасению разве сего еже претерпевати скорби благодарственне надежи ради будущих благ»¹⁴. Поэтому, согласно Максиму, Царство Божие – внутреннее уже наступившее царство, реализовываемое в повседневной жизни подвижника, а по Исаяе оно – царство грядущее.

Противоположность идей Исаяи творческому наследию Максима прослеживается также в их полемике с адептами католической церкви. Если Афонек рассматривает догматические отступления католиков, то Исаяя уделяет больше внимания обрядовой

стороне вопроса. Что, впрочем, согласуется с византийской и древнерусской традициями: «...в Византии в центре полемики между Римом и Константинополем был вопрос о Filioque, тогда как на Руси полемика началась с другого важного пункта разногласий – совершения Евхаристии на опресноках»¹⁵.

Итак, мы можем сделать вывод о двух противоположных, но не входящих в противоречие, типах духовности у Максима Грека и Исаяи Каменец-Подольского. При всем формальном подражании стилю Максима Исаяя бесконечно далек от его философско-религиозных воззрений. К идейному наследию Максима Грека более близок Артемий (ум. ок. 1570), обращавшийся, как и афонский мудролюб, на страницах своих произведений к теме социальной справедливости и, что самое главное, – к исихастской проблематике человека и познания¹⁶. Тем не менее, необходимо отметить большой вклад Исаяи в популяризацию и распространение книг Максима Грека с целью укрепления единства славянских народов¹⁷.

Примечания

- ¹ *Максим Грек*, прп. Сочинения. Т. 1. М., 2008. С. 356.
- ² Там же. С. 492.
- ³ *Сапунов Б.В.* К вопросу о культурных связях России с другими странами в XVI–XVII вв. (По материалам печатных книг) // ТОДРЛ. Т. 13. С. 235.
- ⁴ *Максим Грек*, прп. Указ. соч. С. 492.
- ⁵ *Сырку П.А.* Из истории сношений русских с румынами // ИОРЯС. 1896. Т. 1. Кн. 3. С. 499.
- ⁶ *Абрамович Д.[И.]* К литературной деятельности мниха камянчанина Исаяи. СПб., 1913 (ПДПИ, т. 181). С. IX.
- ⁷ «Предисловие» – «Сказание» иеродиакона Исаяи Каменчанина (ок. 1591 г.) // Сеницына // Сеницына Н.В. Сказания о преподобном Максиме Греке (XVI–XVII вв.). М., 2006. С. 89.
- ⁸ *Максим Грек.* Слово утешительное инока в темнице // *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека. Ч. 2: Соч.: В 2 ч. Ч. 2 / Науч. ред. Н.Н.Покровский. Новосибирск, 2011. С. 131.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 132, примеч.
- ¹¹ Там же. С. 132.
- ¹² Там же. С. 131.
- ¹³ *Абрамович Д.[И.]* К литературной деятельности мниха камянчанина Исаяи. СПб., 1913 (ПДПИ, т. 181). С. 5.
- ¹⁴ Там же. С. 6.

- ¹⁵ Баранкова Г.С. Антилатинские полемические сочинения в Киевской Руси XI–XIII вв. // Русское богословие: традиции и современность: Сб. ст. М., 2011. С. 108–109.
- ¹⁶ Громов М.Н. Образы философов в Древней Руси. М., 2010. 190 с.
- ¹⁷ Симицына Н.В. Исая Каменец-Подольский и Максим Грек (из истории культуры второй половины XVI в.) // Литература и искусство в системе культуры: Сб. ст. к 80-летию Д.С.Лихачева. М., 1988. С. 206.

Библиография

- Абрамович Д.[И.] К литературной деятельности мниха камянчанина Исая. СПб., 1913 (ПДПИ, т. 181).
- Баранкова Г.С. Антилатинские полемические сочинения в Киевской Руси XI–XIII вв. // Русское богословие: традиции и современность: Сб. ст. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.
- Громов М.Н. Образы философов в Древней Руси. М.: ИФ РАН, 2010.
- Максим Грек, *прп.* Сочинения. Т. 1. М.: Индрик, 2008.
- Максим Грек. Слово утешительное инока в темнице // Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека. Ч. 2: Сочинения: В 2 ч. Ч. 2 / Науч. ред. Н.Н.Покровский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011.
- Сапрунов Б.В. К вопросу о культурных связях России с другими странами в XVI–XVII вв. (По материалам печатных книг) // ТОДРЛ. Т. 13. С. 235–246.
- Симицына Н.В. Исая Каменец-Подольский и Максим Грек (из истории культуры второй половины XVI в.) // Литература и искусство в системе культуры: Сб. ст. к 80-летию Д.С.Лихачева. М.: Наука, 1988. С. 195–208.
- Сырку П.А. Из истории сношений русских с румынами // ИОРЯС. 1896. Т. 1. Кн. 3. С. 497–499.
- «Предисловие» – «Сказание» иеродиакона Исая Каменчанина (ок. 1591 г.) // Симицына Н.В. Сказания о преподобном Максиме Греке (XVI–XVII вв.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. С. 89–90.